



Они видели радиацию

Аварии в Чернобыле — 38 лет. Вспоминаем тех, кто устанавливал причины взрыва и пытался защитить мир от сокрушительных последствий — и не смог



Четвертый реактор Чернобыльской АЭС в Украине, поврежденный в результате аварии, август 1986 года. Фото: Sovfoto / Universal Images Group / Shutterstock / Rex Features / Vida Press

09:30, 26 апреля 2024,

Мира Ливадина

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



38 лет назад в мире произошла самая крупная за всю историю атомной энергетики авария. По количеству погибших и пострадавших от ее последствий она тоже остается «лидером».

В ночь на 26 апреля 1986 года на атомной электростанции в городе Припять тогда еще Украинской ССР произошел взрыв. Он раздался во время внештатного испытания работы турбоагрегата в режиме свободного выбега. Реактор четвертого энергоблока АЭС оказался полностью разрушен, в окружающую среду моментально было выброшено большое количество **радиоактивных веществ. Опыта ликвидации таких аварий в мире еще не существовало.**

Радиоактивное загрязнение стало основным поражающим фактором трагедии: облако, образовавшееся от горящего реактора, разнесло различные радиоактивные материалы, прежде всего радионуклиды **йода и **цезия**, по значительной части Европы. Наибольшие выпадения отмечались на территориях, относящихся к **Беларуси, России и Украине**.**

Очень приблизительное число погибших от лучевой болезни в последующие месяцы и годы, по данным Всемирной организации здравоохранения, составляет 4000 человек. Считается, что бóльшая часть смертельных случаев была или еще будет вызвана последствиями радиации. Условно и количество тех, кто тяжело заболел и стал инвалидом (как среди ликвидаторов, так и среди обычных граждан).

На государственном уровне о трагедии вспоминают раз в год. Чиновники говорят о подвиге ликвидаторов, но никогда о том, что оставшиеся выжившие часто находятся на грани отчаяния. Другие бывшие ликвидаторы — и это уже тоже трагическая закономерность — сводят счеты с жизнью.

А еще иногда ликвидаторов судят, например, в России. Якобы за незаконное получение льгот — того мизера, что им

полагается по закону: скидок на ЖКХ и путевок в санаторий.

«Новая газета Европа» вспоминает черновыльскую трагедию, тех, кто пытался найти истину о причинах случившегося, и тех, кто пытался спасти мир от последствий взрыва — и не смог. И еще мы поговорили с человеком, который почти 30 лет после аварии работал на ЧАЭС видеооператором и снимал разрушенный реактор снаружи и изнутри.



Внутри комнаты управления реактора № 4 Чернобыльской АЭС, ноябрь 2000 года. Фото: Julian Simmonds / Shutterstock / Rex Features / Vida Press

Версии и цифры

Всё произошло в ночь на 26 апреля 1986 года на четвертом энергоблоке ЧАЭС. В тот момент там проводились испытания турбогенератора. Планировалось остановить реактор (при этом планово была отключена система аварийного охлаждения) и замерить генераторные показатели.

Безопасно заглушить реактор не удалось. В 01:23 по московскому времени произошел взрыв и начался пожар.

Наиболее вероятная причина аварии, с которой спустя годы согласились все специалисты и профессионалы как в России, так и в мире, включая Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), — изначально была ошибка в самом проекте и конструкции реактора (станцию вводили в эксплуатацию поэтапно, с 1977 по 1983 годы). В частности, графитовые стержни реактора, замедляющие ядерную реакцию, имели хвостовик, благодаря которому кратковременно возникал положительный паровой эффект, который и ускорил реакцию, что привело к взрыву.

Во-вторых, ошибки были зафиксированы в действиях персонала, который обладал низкой культурой безопасности.

«У меня в сейфе хранится запись телефонных разговоров операторов накануне произошедшей аварии. Мороз по коже, когда их читаешь. Один спрашивает у другого:

«Тут в программе написано, что нужно делать, а потом зачеркнуто многое, как же мне быть?»
Второй немножко подумал: «А ты действуй по зачеркнутому!»

Вот уровень подготовки таких серьезных документов: кто-то что-то зачеркивал, ни с кем не согласовывая, оператор мог правильно или неправильно толковать зачеркнутое, совершать произвольные действия — и это с атомным реактором! На станции во время аварии присутствовали представители Госатомэнергонадзора, но они были не в курсе проводимого эксперимента!» — эти выводы диктовал на свой диктофон

академик Валерий Легасов.



Оператор осматривает панель управления третьего энергоблока Чернобыльской АЭС, 4 марта 1999 года. Третий энергоблок мощностью один миллион киловатт, единственный работающий блок станции, был остановлен 12 декабря 1998 года для проведения плановых ремонтных работ и был снова запущен 6 марта 1999 года. Фото: Сергей Супинский / EPA

Это он, оценив обстановку на месте, настоял на полной эвакуации жителей города Припять (47 500 человек), а в последующие дни — эвакуации жителей 10-километровой зоны вокруг ЧАЭС. Всего в течение мая 1986 года из 188 населенных пунктов в 30-километровой зоне отчуждения вокруг станции были отселены около 116 тысяч человек.

О Легасове чуть позже. А пока напомним, что интенсивный пожар на АЭС продолжался десять суток, за это время суммарный выброс радиоактивных материалов в окружающую среду составил около 14 эксабеккерелей (порядка 380 млн кюри).

Вот лишь сухая статистика:

- радиоактивному загрязнению подверглось более 200 тыс. кв.

- км, из них 70% — на территории Украины, Беларуси и России;
- больше всего загрязнены были северные районы Киевской и Житомирской областей Украинской ССР, Гомельская области Белорусской ССР и Брянская область РСФСР;
 - радиоактивные осадки выпали в Ленинградской области, Мордовии и Чувашии;
 - впоследствии загрязнение было отмечено в арктических областях СССР, Норвегии, Финляндии и Швеции;
 - у 134 сотрудников ЧАЭС и членов спасательных команд, находившихся на станции во время взрыва, развилась **лучевая болезнь**, 28 из них умерли в течение следующих нескольких месяцев (прежде всего это были пожарные, тушившие огонь на ЧАЭС в первые часы); непосредственно во время взрыва на четвертом энергоблоке погиб один человек — оператор главных циркуляционных насосов **Валерий Ходемчук** (тело не найдено); еще один сотрудник — **Владимир Шашенок** — получил перелом позвоночника и многочисленные ожоги и уже утром того же дня умер в припятской медсанчасти;
 - по разным оценкам, от 15 до 30 тысяч человек умерли спустя годы в результате облучения радиацией;
 - свыше 2,5 миллионов жителей Украины страдают от заболеваний, приобретенных в результате **облучения**.

Определить масштабы катастрофы и ее влияния на здоровье жителей Припяти и близлежащих районов до сих пор трудно: только от онкологии, развившейся в результате полученной дозы радиации, умерли до 200 тысяч человек. Однако точных данных нет даже у Всемирной организации здравоохранения, поскольку последствия облучения могут проявляться спустя долгие годы.



Центральный реакторный зал четвертого энергоблока ЧАЭС, 1997 год. Фото: Сергей Кошелев.

Безумный Чечеров

Что за взрыв произошел на ЧАЭС в 1 час и 23 минуты 26 апреля и насколько он опасен? Этим вопросом глубоко занимался физик-ядерщик из Курчатовского института атомной энергии Константин Чечеров. Он автор одной из самых логичных и согласующихся с характером взрыва версий. Вывод Чечерова, вместе с коллегами непосредственно работавшего на четвертом энергоблоке после случившегося, — взрыв, имевший ядерную природу, произошел не в шахте реактора (о чем руководство СССР заявляло изначально после того, как признало факт аварии), а в самом реакторном зале. Версия физика-ядерщика согласовывалась с характером разрушения строительных конструкций реакторного зала и отсутствием заметных разрушений в шахте реактора.

Константин Чечеров почти четверть века отдал изучению причин и процессов аварии на Чернобыльской АЭС, при этом

внутри реактора он проработал лет двадцать. Он не обижался, когда журналисты называли его и его коллег физиками-безумцами.

Спустя годы Чечеров говорил, что главная ошибка Политбюро ЦК КПСС в первые дни трагедии заключалась в том, что у них полностью отсутствовала достоверная информация, что вообще произошло с реактором. Ученый был убежден: перед ликвидаторами и их начальством ставились задачи, которые не нужно было ставить. Например, бессмысленно было сбрасывать вертолетную засыпку в шахту реактора (власти были уверены, что в шахте происходит процесс горения). Между тем горения, по словам Чечерова, в шахте не происходило.

Доказал он это так. Со своим коллективом ученых он подготовил для работы на пострадавшей ЧАЭС американский шпионский дистанционный сканирующий термометр Heat Spy Photo-scan Thermometer (эту вещь незадолго до ЧП на атомной станции раздобыла Служба внешней разведки СССР). Чечеров летал с этим термометром на вертолете уже в июне 1986 года над четвертым блоком и проводил измерения температуры в шахте реактора. В итоге именно с помощью этого термометра ученые смогли удостовериться: никакого плавления в шахте не происходило. Плавление — это то, чего опасались члены правительственной комиссии, считая, что расплавившаяся активная зона прожжет железобетонные перекрытия и радиация попадет в грунтовые воды.

Словом, сообщения советских газет о том, что графит в реакторе горел чуть не две недели, были ошибочными. То есть военные летчики, выполнявшие приказ начальства по засыпке шахты, получается, зря подвергали свои жизни риску.

Правительству же, с другой стороны, эта версия с горением была выгодна: она подтверждала другую версию — о том, что почти всё ядерное топливо осталось внутри и не вылетело

наружу, превратившись в радиационное облако.

Но именно в радиационное облако оно и превратилось, доказал коллектив ученых. Доказал экспериментально, физически и ценой собственного облучения огромными дозами. Обследовать реактор и энергоблок Чечеров и его «курчатовцы», а также другие физики-энтузиасты из разных институтов Москвы, Ленинграда и Киева смогли только в начале мая 1986 года.

«Нам удалось обследовать все места скопления топливосодержащих расплавов, и стало ясно, что расплавы попали в бассейн-барботер (емкость, предназначенная для приема пара в случае проектной аварии), никакого парового взрыва, которого так опасалась правительственная комиссия, не произошло, — вспоминал Чечеров. — В шахте реактора и в помещении под ним также никаких следов взрыва не обнаружили. Видимые разрушения, то есть те, которые мы своими глазами видели, говорят, что взрыв произошел прямо в центральном зале. Взрыв был один, и он был ядерный».

Почти всё топливо вылетело вверх, поднялось в стратосферу и распространилось над всем северным полушарием. Это была ядерная реакторная авария, страшней которой на планете еще не происходило.

Работать в подреакторных помещениях Константину Чечерову с коллегами приходилось при уровне облучения под тысячу рентген в час. Острая лучевая болезнь при такой радиации начинается через шесть минут. Полученная Чечеровым доза только официально составила 2200 БЭР (биологический эквивалент рентгена), в то время как по нормам радиационной безопасности разрешенная доза облучения — до 25 БЭР.

«Не думали мы о страхе», — признавался Чечеров в интервью Виктории Ивлевой для «Новой газеты» в 2011 году.

Виктория Ивлева была и остается единственным фотожурналистом, который побывал внутри четвертого реактора Чернобыльской АЭС. В 1990 году она посетила центральный реакторный зал, присоединившись к команде «курчатовцев». Ее **фотографии**, сделанные внутри четвертого энергоблока, облетели весь мир. Она удостоилась главного приза World Press Photo в категории «Наука и технологии». Но вернемся к тому, что говорил ей Чечеров.

«Я, вообще-то, не был исключением, в нашем институте около полутора тысяч сотрудников написали заявления с просьбой направить их в Чернобыль, такая была всеобщая готовность прийти на помощь.

<...> Это были лучшие годы нашей жизни. Сплошное счастье. У нас было очень интересное дело, которое полностью захватывало, каждый день мы совершали какие-то открытия, эйфория познания была поразительная, она, наверное, повышала жизненный тонус. У нас не было ни паники, ни парализующего страха. Когда я уходил внутрь четвертого блока, я всегда чувствовал себя свободным человеком, который может делать то, что ему хочется. И так — каждый день».

Ученые-энтузиасты, включая Чечерова, и другие специалисты использовали на ЧАЭС два типа дозиметров: одни — для официальных отчетов в журнал, где цифра полученной дозы облучения занижалась в разы (чтобы не выгнали с проекта). Другие дозиметры были личные — чтобы для себя знать реальную цифру облучения.

«Возникающие болячки организм должен был преодолевать сам, — говорил Константин Чечеров. — Теперь я уже думаю, что

это делало организм более устойчивым к вредным воздействиям. Мы считали наши дозы неизбежным условием при выполнении такой работы, мы понимали, что иначе не получится. Ну вот, например, одному теплофизику надо было провести измерения теплового потока, а для этого лечь пузом в 25 рентген в час. И он, зная мощность дозы и понимая, что это такое, ложится и измеряет. Время идет, доза растет, а он продолжает свои измерения».

Ученый Константин Чечеров умер в ноябре 2012 года в возрасте 65 лет после тяжелой болезни, вызванной облучением. К тому моменту ушла из жизни большая часть его коллектива, работавшего на ЧАЭС.



Регистрация уровней радиации во время строительства саркофага четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС, Украина, август 1986 года. Фото: Sovfoto / Universal Images Group / Shutterstock / Rex Features / Vida Press

Неудобный Легасов

Химик-неорганик Валерий Легасов, работавший в Курчатковском

институте первым заместителем директора, скончался через два года после аварии на ЧАЭС. И, как известно из сериала, вовсе не от облучения (хотя свою дозу, превышающую норму в четыре раза, он тоже получил сполна). Академик Легасов покончил собой.

На протяжении нескольких лет до аварии Валерий Легасов занимался продвижением концепции безопасности ядерных реакторов. В своих научных работах он пытался доказать необходимость новой методологии обеспечения безопасности на атомных станциях СССР. Знал: многие реакторы в стране спроектированы с изъянами, что чревато катастрофами. Еще задолго до аварии Легасов обращал внимание на несовершенство реакторов типа РБМК (реактор большой мощности канальный, именно такой был на Чернобыльской АЭС). Говорил, что они обеднены системами управления и диагностики, что в них заложен огромный потенциал химической энергии: много графита, много циркония и воды, но при этом нет систем защиты, независимых от оператора. Легасов настаивал на введении новых критериев безопасности. Но его научные выводы и предложения не получали отклика — ведь он подрывал устоявшиеся правила.

Однако когда 26 апреля 1986 года произошла авария на ЧАЭС, академика Легасова сразу же включили в состав правительственной комиссии по расследованию причин и по ликвидации последствий ЧП.

Из членов правительственной комиссии он появился в Чернобыле одним из первых: прилетел из Москвы спецбортом через считанные часы после случившегося. И потом он будет единственным из членов комиссии, кто приезжал на ЧАЭС еще шесть раз и неделями исследовал территорию вокруг взорванного реактора.

Академик Легасов, обладавший природной въедливостью и

упрямством, сначала на месте катастрофы на армейском вертолете подобрался к трубе АЭС, совершил облет пострадавшего четвертого блока и зафиксировал, что идет свечение.

Кроме того, академик лично на бронетранспортере подошел вплотную к завалу четвертого блока и, выйдя из машины, сделал нужные измерения. В свою первую поездку он находился над разрушенным реактором по пять-шесть раз в день.

И так почти десять дней подряд. По словам очевидцев, бортовой рентгенометр с максимальной шкалой 500 рентген в час зашкаливало. Впрочем, говорят, что свой дозиметр академик часто оставлял в раздевалке. Лишь родным признавался: на месте катастрофы не оказалось респираторов, запасов чистой воды, лекарств, чистых резервных продуктов питания, а также препаратов йода для проведения необходимой профилактики.

В первый же день приезда на ЧАЭС Легасов принял ряд ключевых решений. Среди прочего проинформировал своих коллег-ученых и прессу о рисках и состоянии разрушенной станции, а также убедил председателя правительственной комиссии Бориса Щербину немедленно эвакуировать всех жителей города Припять.



Валерий Легасов. Фото: IAEA Imagebank / USFCRFC

И, наконец, академик Легасов предложил создать группу из опытных журналистов, которые бы ежедневно освещали события и рассказывали населению, как себя вести. На фоне тотальной секретности и преуменьшения масштабов катастрофы, естественно, никакую пресс-группу власти создать не позволили.

Активность ученого Легасова в какой-то момент начала Политбюро раздражать.

Он же буквально проживал случившееся. В общей сложности сразу после аварии Легасов провел на ЧАЭС 60 суток. Полученная им доза радиации в четыре раза превышала максимально допустимую норму. Легасов сильно похудел, облысел, стал страдать непрекращающимся кашлем и бессонницей.

«После возвращения из Чернобыля у него взгляд стал

потухшим, — **вспоминала** его дочь Инга Легасова. — Он ни о чем другом, кроме чернобыльской катастрофы, думать не мог. За несколько лет до этой страшной аварии на заседании физической секции Академии наук СССР, когда шло обсуждение конструкции ядерных реакторов, отец предлагал сделать для них защитный колпак. Его предложение не восприняли всерьез. Сказали, какое, мол, ты отношение имеешь к ядерной физике (специализация Легасова — неорганическая химия. — **Прим. ред.**). После чернобыльской катастрофы он понимал, что если бы тогда ему хватило ресурсов доказать свою правоту, то последствия аварии не были бы такими ужасными.

В конце августа 1986 года Валерия Легасова отправили на конференцию экспертов МАГАТЭ в Вене. Вообще-то, выступать с докладом должен был сам Михаил Горбачев как руководитель страны, в которой произошла авария. Но Горбачев отправил Легасова — как ученого, непосредственного работавшего на месте аварии. Академика Легасова слушали более 500 экспертов из 62 стран мира. Он представлял свой 400-страничный доклад, сопровождая всё сказанное таблицами, графиками, схемами и фотографиями, которые проецировались на три экрана. Редкое для тех времен событие, никогда еще советские представители не готовили так свои лекции.

Это был глубокий анализ подлинной картины случившегося. Доклад готовили лично Легасов и команда его единомышленников. Порой сидели ночами напролет у него дома.

Валерий Легасов лично проверял каждую цифру. Когда в Вене он закончил выступление, зал приветствовал его стоя. Именно благодаря Легасову отношение к СССР, которому грозили миллионные иски за ущерб от радиоактивного облака,

распространившегося по значительной части Европы, изменилось. К академику Легасову прониклись уважением за откровенность. Исков не последовало.

«Отец рассказывал, что сначала зал гудел, присутствующие что-то выкрикивали с мест. Но начиная с 15-й минуты доклада в зале наступила гробовая тишина. Отца слушали, затаив дыхание. И записывали за ним числа. Доклад длился пять часов, и еще час отец отвечал на вопросы. Без всякого перерыва. Своей основной задачей он видел не оправдание Советского Союза, не сокрытие какой-то информации, а наоборот, это была попытка объяснить мировому сообществу, как в таких ситуациях надо себя вести», — отмечала дочь академика.

После выступления в МАГАТЭ Валерий Легасов стал популярным спикером на Западе. Там его назвали человеком года и включили в десятку лучших ученых мира.

На родине же всё складывалось несколько иначе. Принято считать, что это выступление академика в Вене с разглашением ряда секретных для Союза сведений стало последней каплей для Политбюро.

В 1986–1987 годах ученого дважды выдвигали на звание **Героя Социалистического Труда**, но оба раза в итоге не награждали. Кроме того, в 1987 году при тайном голосовании академика Легасова не избрали в научно-технический совет Курчатовского института.

По словам родных, в тот период академик находился в глубоком психологическом кризисе и не знал, как реагировать на такое пренебрежение со стороны властей. У Легасова стали отниматься пальцы левой руки, неметь правая рука и нога. Медики констатировали у него реактивную депрессию.

На этом фоне прогрессировала болезнь, вызванная полученной

на ЧАЭС огромной дозой радиации. Врачи выявили у Легасова радиационный панкреатит, лучевую болезнь четвертой степени. В крови были обнаружены миелоциты, оказался затронут костный мозг.

В августе 1987 года Валерий Легасов, находясь на лечении, совершил первую попытку самоубийства, выпив огромную дозу снотворного, но врачи успели его спасти.

При этом на протяжении двух лет после трагедии измученный болезнью и депрессией Легасов умудрялся надиктовывать на магнитофон заметки о своем участии в ликвидации аварии. Именно материалы из этих аудиозаписей фигурируют в том числе в сериале НВО «Чернобыль». После разбора причин аварии он вернулся к изучению вопроса безопасности ядерных реакторов, указывал проектировщикам на недостатки реакторов типа РБМК, а также на неудовлетворительную профессиональную подготовку сотрудников АЭС.

25 апреля 1988 года Валерий Легасов представил на заседании Академии наук план создания Совета по борьбе с застоём в советской науке и собственного Института ядерной безопасности. Но все его предложения отклонили. 28 апреля ученый должен был огласить на заседании правительства свои результаты расследования причин Чернобыльской катастрофы. 27 апреля академика Легасова нашли повешенным у себя в московской квартире. Проверялась версия о доведении до самоубийства, но она не нашла подтверждения. Следствие пришло к выводу, что академик покончил с собой в состоянии депрессии.

Героя России указом Бориса Ельцина ему присвоили посмертно,

спустя десять лет после аварии на ЧАЭС, в 1996 году.



Таблички с названиями украинских населенных пунктов, исчезнувших в результате Чернобыльской катастрофы, выставленные в Украинском национальном музее «Чернобыль» в Киеве, Украина, 23 апреля 2024 года. Музей посвящен Чернобыльской катастрофе 1986 года и ее последствиям. Фото: Максим Марусенко / NurPhoto / Shutterstock / Rex Features / Vida Press

Неликвид

В 30-километровую зону вокруг ЧАЭС для работ на аварийном блоке и вокруг него после 26 апреля 1986 года власти командировали не только специалистов-профессионалов, но и целые воинские части — как регулярные, так и составленные из срочно призванных резервистов из запаса. Основная часть работ была выполнена в 1986–1987 годах. Всего из числа военных и гражданских в ликвидации аварии участвовало, включая последующие годы, порядка 600 тысяч человек.

Сегодня в России и странах бывших союзных республик особо не принято говорить, как живут ликвидаторы. Как зачастую выбивают себе льготы, путевки, пенсии и лечение. И как порой государство дает им отпор, засуживая в судах. Не принято

говорить и о том, как порой эти люди отчаиваются от постоянных проблем со здоровьем и сводят счеты с жизнью, не в силах больше терпеть боль и быть в тягость близким.

Одна из недавних трагедий — самоубийство в октябре 2023 года 75-летнего инженера-атомщика Виктора Смагина. В день аварии на Чернобыльской АЭС он утром заступил начальником смены на четвертом энергоблоке. Вместе с коллективом станции пытался предотвратить развитие нового взрыва. Автоматически получил большую дозу облучения.

«К сожалению, никто почему-то не рассказывает о том, какую роль сыграли работники станции в ликвидации катастрофы. А ведь там полегло много ребят, которые ценой собственной жизни предотвратили более серьезные последствия», — [рассказывал](#) Смагин в интервью в 2016 году.



Вдова проходит вдоль памятников, на которых запечатлены имена около 3000 ликвидаторов, погибших при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году, на мемориале «Чернобыль» в Киеве 26 апреля 1998 года. Фото: Сергей Супинский / EPA

После облучения Виктор Смагин был доставлен на санитарном самолете в Москву в тяжелом состоянии, перенес лучевую болезнь и стал инвалидом второй группы. Впоследствии перенес семь операций и каждый год проходил курсы лечения в специализированных центрах.

«Эта авария, конечно, всем судьбу сломала, — говорил он. — Я, например, по специальности инженер-ядерщик, окончил «Бауманку», распределился в Припять. Мое место работы — атомная электростанция.

Но после того как я перенес лучевую болезнь, получил клеймо на всю жизнь — запрет работы в зонах ионизирующего излучения, запрет работы в ночное время, запрет командировок и еще масса ограничений. Кому нужны такие работники?»

Ему хотели присвоить звание Героя Советского Союза, но в итоге в декабре 1986 года наградили лишь орденом Ленина за проявленные мужество и героизм, причем награждение состоялось практически в тайной обстановке. После лечения Виктор Смагин работал только на административных должностях в Министерстве атомной энергетики СССР, а в 2011 году вышел на пенсию.

23 октября 2023 года прохожие обнаружили тело Смагина под окнами московской многоэтажки, в которой он жил вместе с женой. На столе в квартире бывший сотрудник ЧАЭС оставил предсмертную [записку](#).

«Сегодня подтвердилась новая опухоль, таким образом, во мне сидят еще минимум четыре опухоли. Лечить их нереально, да и

силенок у меня не хватит на их лечение. Прошу меня простить за мой уход. Большое спасибо за совместно прожитые годы. Это было счастьем. Прошу прощения!»



Город Припять построенный для работников атомной электростанции после аварии. Фото: IAEA Imagebank / USFCRFC

В начале 2000-х около трех десятков чернобыльцев из города Шахты Ростовской области через суды безуспешно пытались добиться компенсационных выплат с учетом повышающего коэффициента. Сначала Шахтинский городской суд выносил положительные решения. Но потом «по вновь открывшимся обстоятельствам» всё отменил. Ликвидаторы в течение двух лет проводили митинги и устраивали голодовки. Во время одной из них скончался инвалид второй группы 50-летний Петр Любченко. Его товарища, Алексея Сьянова, прямо из палатки доставили в больницу с обширным инфарктом. Впрочем, все эти акции остались безрезультатными.

Последней надеждой шахтинских чернобыльцев был Европейский суд по правам человека. После того как в мае 2002 года ЕСПЧ обязал российские власти выплатить шахтинцу Анатолию Бурдову 3000 евро, его, Бурдова, примеру последовали остальные. В Европейский суд была подана 31 индивидуальная и одна общая коллективная жалоба. Для выяснения обстоятельств дела комиссия Европейского суда направила запрос в российское правительство. Для решения конфликта чиновники из Минтруда спешно выехали в Шахты и предложили чернобыльцам по 1–1,5 тысячи евро каждому. Но, как **рассказывали** сами чернобыльцы, не представили «никаких гарантий выплаты денег в срок и в полном объеме». Поэтому от предложения чиновников ликвидаторы отказались. А российские власти отчитались перед Страсбургом о выплате всех денег.

И ЕСПЧ поверил и прекратил дело по жалобам. Это решение стало для многих шахтинцев ударом. Причем в ожидании разбирательства от сердечного приступа умерла одна из заявительниц. Всего к тому моменту в Ростовской области умерли от разных причин тысячи ликвидаторов аварии.

И еще про один суд. В Самаре на сегодняшний день осуждены около 70 ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС.

Как ранее уже **писала** «Новая газета Европа», Самарское управление ФСБ воевало с бывшими ликвидаторами несколько лет, обвиняя их в том, что они получили удостоверения чернобыльцев мошенническим путем и ни в какой зоне отчуждения не были. Документы, доказывающие, что они там были (секретные и те, с которых гриф «секретно» уже снят), самарский суд проигнорировал. Не смутили фемиду даже задания на полет, которые выдавали летным составам сразу после трагедии на ЧАЭС. В заданиях были указаны украинские

аэродромы.

Речь шла о летчиках, авиатехниках и бортпроводниках летных составов заводов «Прогресс» и «Авиакор». Они не только доставляли ящики с грузами (предположительно со свинцом, которым спасатели засыпали место взрыва), но и на своих гражданских самолетах эвакуировали жителей, преимущественно семьи военных из ближайших к Чернобылю аэродромов: Жуляны, Гомель, Овруч, Борисполь, Киев, Чернигов, российский Брянск.



Военная техника, привлеченная для устранения последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Фото: [IAEA Imagebank](#) / USFCRFG

«Мы всегда летали как спецрейсы. Из всего Советского Союза доставляли комплектующие на наш «Прогресс». А тут лето 1986-го. Начальство дает задание, наоборот, из Куйбышева летать в Киев, Киевскую область и доставлять грузы туда, — вспоминал Александр Кириченко, работавший тогда вторым пилотом на Ан-26. — Командир летного отряда с начальником штаба

выписывали задание на полет, и мы летели. Что конкретно наши самолеты везли, нам начальство не сообщало. Да мы и не спрашивали. У нас форма допуска № 2 была. Догадывались, конечно, что с ЧАЭС связано. На аэродромах, куда мы прилетали, была куча военных. Когда мы с Киева в Чернигов по прямой телефонной связи запрашивались на дозаправку, нам поступало встречное предложение, от которого мы не могли отказаться: «Топливо дадим. Заберете тогда членов семей? На мешках сидят». Мы забирали».

По возвращению в Куйбышев самолеты встречала специальная машина, из которой выходили люди, облаченные в химзащиту, с бочками на спине. И весь самолет чистили. Тогда же на куйбышевском аэродроме, где базировался воздушный флот «Прогресса», в 1986-м был развернут пункт дозиметрического контроля.

То, что летные составы «Прогресса» и «Авиакора» летали над зараженными территориями, официально подтвердится только в 1997 году. Минтруд выдаст бывшим членам экипажей удостоверения ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Удостоверения сотрудникам у министерства выбивал сам завод.

Когда в 2017 году ФСБ по Самарской области решит сделать большое дело о «ликвидаторах-мошенниках», нынешнее руководство заводов на защиту бывших сотрудников не встанет.

Родина отберет у бывших летчиков, многие из которых пережили лучевую болезнь и онкологию, статусы инвалидности, удостоверения чернобыльцев и все льготы, а также заблокирует им кредитные карты,

постановив выплатить родине «ущерб» за все предыдущие годы.

Несколько летчиков скончались вскоре после приговоров, не выдержав унижений и стресса. Часть просто смирились, найдя единственный выход — признать вину и пойти на ускоренный порядок следствия и суда, только чтобы кошмар в их жизни побыстрее закончился.

Он видел радиацию

«Новая газета Европа» поговорила с человеком, который попал на ЧАЭС совсем молодым. Сергей Кошелев в 1987 году приехал в командировку из Ленинграда, и командировка растянулась на всю жизнь. Сергей проработал на ЧАЭС 30 лет уже после аварии. Его опыт уникален: он в качестве штатного видеооператора станции регулярно снимал зал разрушенного реактора. Начал работать в рамках экспедиций, которые на ЧАЭС устраивала команда ученых-ядерщиков во главе с Константином Чечеровым. Кошелев снимал снаружи и изнутри реактора. По его видео ученые тогда и в будущем изучали жизнь разрушенной техники, а проектировщики — конструкции саркофага, который спустя много лет после трагедии возвели над ЧАЭС.



Сергей Кошелев. Фото из личного архива.

Про таких, как Сергей Кошелев, говорят: видел радиацию буквально — в объектив своей камеры.

Вообще-то, на станцию в 1987 году Сергей приехал из Ленинграда. Ему было 24. Только вернулся из армии. И сразу удар: бросила девушка. В Чернобыль в тот самый момент набирали добровольцев, нужны были работники как на саму станцию, так и на объекты вблизи нее. Кошелев считал, что терять ему нечего. Командировка в Чернобыль затянулась на всю жизнь. В Украине он освоил профессию оператора, нашел свое дело жизни, встретил новую любовь и создал семью.

Как говорит сам Сергей Кошелев, он пришел на ЧАЭС, «когда все люди были братья», а сейчас война разделила всех напрочь.

О полученной им дозе радиации за эти 30 лет работы на

станции Кошелев говорить отказывается.

— Как вы, совсем молодой, решились поехать в Чернобыль добровольцем?

— Ну как, спросили: «Есть желающие в командировку?» Я поднял руку. Жил тогда в Сосновом Бору под Питером. Желание было лишь одно — из этого места уехать, чтобы не думать и забыться из-за девушки. Специализированного образования у меня к тому моменту еще не было. Я был обычный слесарь-ремонтник. И первое время в Чернобыле слесарем работал на заводе рядом со станцией. Меня как молодого — 24 года всего — к реактору не пускали особо. Потом недалеко молодежный центр открылся от комитета комсомола, с видеозалом, где устраивали показы фильмов. Какое-то время я там проработал, столкнулся воочию с видеоаппаратурой и разной техникой, изучил всё. Стал немножко снимать на видеокамеру. В общем, забылся. А потом увидел объявление о том, что на четвертый блок нужен видеооператор.

Нужно было снимать походы курчатовской экспедиции в реакторный зал четвертого энергоблока. И меня взяли оператором. Я начал серьезно работать — снимать то, что они делали в ходе походов в зал реактора, отбор проб, например, другие исследования.

Топливо снимал, насколько это возможно было. «Курчатовцы» же искали топливо. Чечеров хотел свести баланс по топливу: сколько было, сколько осталось.

— Что для вас это было — когда вы скафандре с камерой ходили вместе с инженерами-физиками внутрь реактора?

Было ведь понятно, что вы, как и все, облучаетесь. Как вы это воспринимали? Страшно было?

— Сначала было страшновато. Помню первый день. Там была такая эстакада специальная под шахту реактора. В шахту зайти было нельзя — очень большие дозы. На эстакаде установили специальные рельсы, поставили на них тележку с видеокамерой и запускали ее — она дистанционно снимала. Но надо бы снять эти рельсы, и мы подходили прямо к краю, куда-то под реактор. И, кажется, Чечеров мне в тот момент сказал: «Сергея, у тебя под ногами 200 рентген». И сразу такое ощущение возникло, что у меня пятки жжет. Чисто внушил себе это. Вот такой был первый день на реакторе. А потом посмотрел я на этих ученых — они все безбашенные были, ничего не боялись. И как-то страх стал проходить и у меня. Ну, конечно, все мы понимали, что подхватываем хорошую дозу.



Французские ученые в защитных костюмах и противогазах измеряют и анализируют уровень радиоактивности примерно в 6 км от Чернобыльской АЭС, 15 сентября 1999 года. Фото: Сергей Супинский / ЕРА

— Вы после каждого похода дозиметром проверялись, сколько «подхватили»?

— Ну, мы брали свои личные дозиметры, официальные оставляли для дежурных отчетов в журнал, иначе бы за такие дозы нас бы давно уже вывели с проекта.

— Эта история про личные и «рабочие» дозиметры, конечно, особо поражает. Знать настоящую цифру облучения, в разы превышающую разрешенную, и всё равно продолжать экспедицию на объекте... Что двигало, на ваш взгляд, всеми, кто попадал на объект, — учеными, рядовыми членами экспедиций, вами?

— Это была исследовательская работа, все горели целью найти, где же там топливо, где опасные места, где что светит, где вода заливает, чтобы не дай бог какая-то новая реакция не произошла. Все работали на энтузиазме. Живых, правда, мало осталось из этой экспедиции. Я да шеф мой, он недалеко от меня сейчас живет, в Киевской области. Ему уже 77 лет. Собираюсь к нему заехать, хочу немножко поснимать его, попросить прокомментировать старые кадры с ЧАЭС. Мне кажется, это важно.

У меня, вообще, есть собственный [ютуб-канал](#), но я его немножко забросил. Хочу обновлять. У меня там были размещены определенные сюжеты про реактор, но телеканалы стали таскать у меня видео, причем не полностью сюжеты, а отдельные короткие кадры-кусочки таскали, интересные им, и свой текст под них делали. Ну, я ругался, часть видео поубирал. Сейчас хочу постепенно что-то выкладывать. Война закончится — может, и интерес к Чернобылю появится снова. До войны на станцию туристы и сталкеры прямо перли.

Но вернемся к вашему вопросу. Что еще нами двигало на ЧАЭС? Страшно интересно было. Задачи поставленные интересно

было выполнять.

Мы работали за идею. И за деньги, конечно, тоже. Но была идея — исследовать, понять, что реально произошло и что происходит с реактором сейчас.

Я даже когда туда из своего Соснового Бора в командировку уезжал (чтобы в итоге остаться на всю жизнь в Украине), то не знал, какая у меня будет зарплата вообще. Не думал о деньгах. А когда первый раз стоял в кассе получал зарплату, то обомлел: мне дают две пачки купюр, я говорю: «Я таких денег в жизни в руках не держал никогда».

— Получается, вы с 1987 по 2019 год проработали на Чернобыльской АЭС?

— Да. С небольшим перерывом. В 1991 году на станции стал работать Международный центр, уже независимое государство Украина образовалась. Я остался на станции. И уже занимался съемкой строительных конструкций, для видеоотчетов в том числе, чтобы ученые и инженеры понимали, какие есть слабые места и что нужно усилить. И по поиску топлива продолжалась работа. Тоже снимал. На станции работала группа дозразведки, она прокладывала на объекте новые маршруты как раз к топливу. И я ходил с членами этой группы — дозиметристами — в качестве оператора. Потом шла разведка с целью понять, где ставить новый саркофаг, который в итоге был возведен в 2019 году.



Третий энергоблок (справа) и четвертый энергоблок под «саркофагом» (слева) Чернобыльской атомной электростанции, 4 марта 1999 года. Фото: Сергей Супинский / ЕРА

— И в итоге вы так и остались в Украине?

— Да. Лишь один раз в 1992-м вернулся в свой Сосновый Бор, под Питер. После того как Союз развалился, на станции финансирование резко пошло на убыль, а я уже женился к тому моменту, жена беременная была. Хотел бизнесом в Питере заняться. Но ничего не получилось. Позвонил в итоге спустя два года замначальника объекта укрытия ЧАЭС Артуру Корнееву, с которым мы много чего облазили на станции и который был мне как отец и наставник, и после разговора с ним я вернулся в Чернобыль. Это был 1994 год. К тому моменту там стало лучше с финансированием. И всё пошло-поехало, стал снова работать. Новая видеоаппаратура уже появилась у нас.

В 2004 году я перешел в американскую компанию, которая занималась на станции проектированием как раз нового саркофага. То есть американцы выступали в качестве

консультантов, и через них и других доноров шло финансирование саркофага. А строила французская компания Novarka. Моя задача была — для Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и стран-доноров, которые финансировали строительство, снимать видеорепортажи каждый месяц: куда деньги пошли, что построено, что сделано из запланированного по смете. И так до конца, пока не сдали арку в 2019 году, я регулярно снимал эти видеорепорты.



Сергей Кошелев на крыше взорванного реактора. Фото: Александр Купный

— Не жалеете, что все самые молодые и зрелые свои годы посвятили работе на ЧАЭС?

— Такого, чтобы прям жалел, — нет. Может, и что-то упустил, работая на одном месте всю жизнь. Развития, может, такого не было. Хотя еще когда работал в курчатовской экспедиции, меня посылали на операторские курсы на Шаболовке в Москве. С удовольствием попутно окончил заочно (чтобы высшее

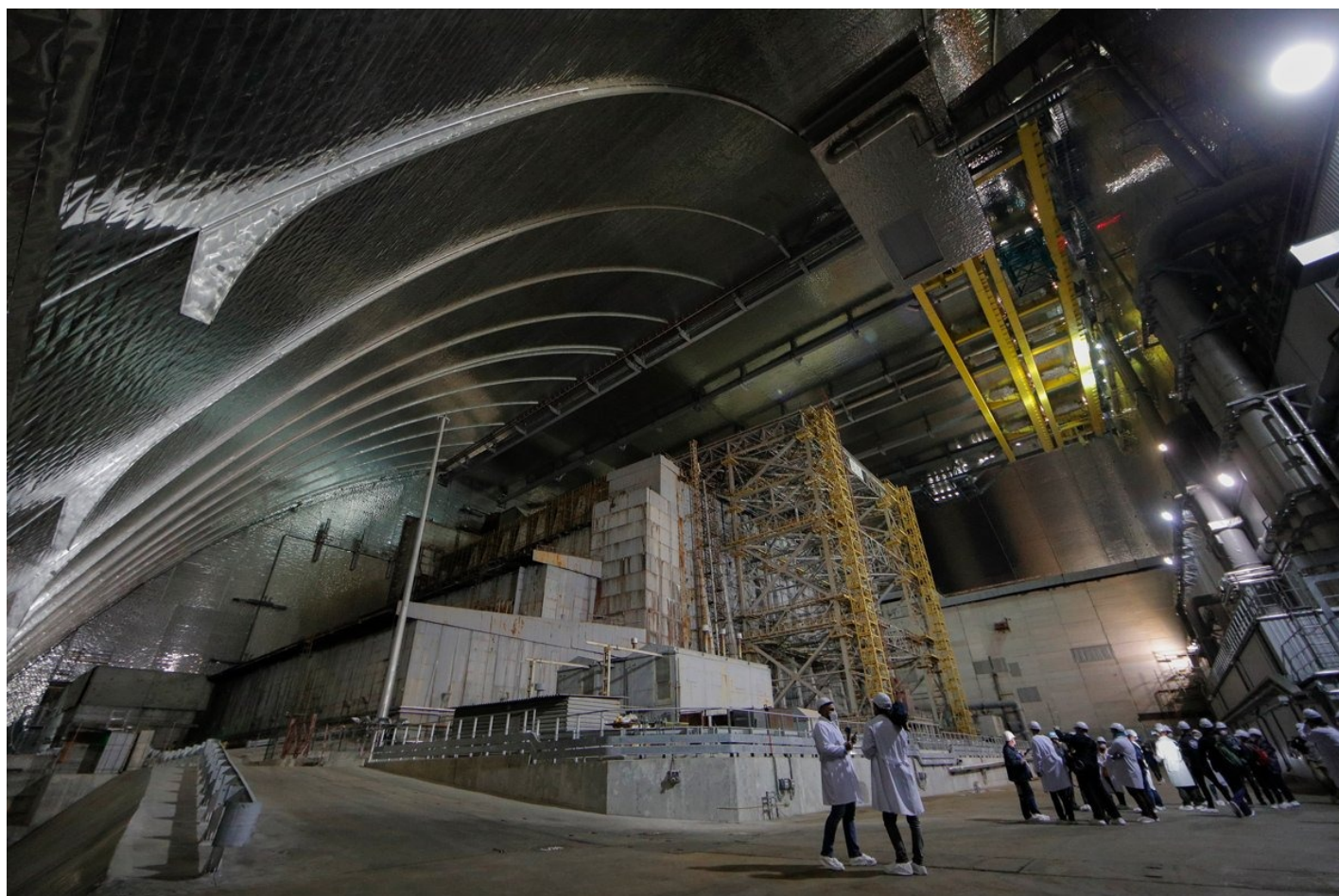
образование было) Киевский политех, получил специальность инженера-электрика. Но по специальности не работал. Всё время был оператором.

— **Во сколько ушли на пенсию?**

— Где-то в пятьдесят. Как раз закончился контракт в 2019 году с американской компанией, которая строила саркофаг. Когда арку сдали — всё. С тех пор я на пенсии.

— **Вы признаны ликвидатором ЧАЭС. Можно ли прожить на ту пенсию и те льготы, которые полагаются чернобыльцам? Вот у вас в Украине. Как вы сейчас живете?**

— Ну, пенсия у меня достойная — максимальная по Украине. Жаловаться нет смысла. У меня же трудовой стаж очень большой получился. На ЧАЭС шел год за полтора, и у меня вышло аж 65 лет стажа. Да и зарплата была хорошая в американской компании. А льготы стандартные. Есть 50% скидки на оплату ЖКХ, проезд в транспорте бесплатный. В основном я, правда, своим автомобилем пользуюсь. В прошлом году встал на учет в Чернобыльском медицинском центре, это больница, куда все чернобыльцы приезжают обследоваться. Там своя поликлиника есть. Вот впервые за много лет я завел там карточку, и в прошлом году даже полежал в этой больнице, меня прокапали, сделали диагностику. Еще спросили: «А у тебя группы инвалидности разве нет?» — «Нет». — «Как так?!» — «Да вот как-то так. Работал, и всё, некогда было». Хотя, действительно, все, кто мог, уже получили инвалидность или померли.



Посетители и журналисты внутри нового «саркофага», накрывающего 4-й блок Чернобыльской атомной электростанции, Украина, 10 июля 2019 года. Фото: Сергей Долженко/ EPA-EFE

— А что со здоровьем?

— Когда работал на станции, вроде более-менее всё нормально было. Ну, со своими нюансами — повышенный сахар, давление чуть-чуть, но терпимо. А когда вышел на пенсию, то расслабился, что называется, и все болячки повылезли. То грыжа на спине (вырезали), то нагнулся как-то не так — с ногами что-то не то, потом выявили диабет второго типа, давление высокое, три стента поставили на сердце... Короче, полный набор (смеется).

— А какую, кстати, вы максимальную дозу облучения получили — и разовую, и за всё время?

— Я бы не хотел об этом говорить, чтобы никого не подставлять. А то будет много вопросов ко многим. Доза большая была.

— То есть вас эта доза не останавливала? Жена не просила

уволиться?

— Конечно, просила первое время. А потом она сама стала работать на проекте, связанном с ЧАЭС.

— **Константин Чечеров говорил, что у тех, кто исследовал реактор, возникала со временем уже некая адаптация, привыкание организма, что ли, к постоянному облучению. Это так?**

— К таким дозам просто не привыкнешь. Но что-то подобное было. Скорее иммунитет уже вырабатывался. И даже какой-то допинг мы ощущали после проделанной работы, особенно когда всё получалось из намеченного сделать. Обратно выходишь, снимаешь скафандр — и такой подъем энергии, такой всплеск — словом, зарядились...

— **Зарядились атомом?!**

— Ну да!

— **А с коллегами по работе на ЧАЭС поддерживаете отношения, помимо вашего бывшего шефа?**

— Практически уже не с кем. Еще до войны как-то перестали. А сейчас в связи с происходящим многие уехали, а кто-то давно уехал за границу. Иногда некоторые из коллег в фейсбуке мелькают, лайк поставят мне за новую фотку, думаю в такие моменты: «Ну, слава богу, еще живы». А так боишься открыть иногда соцсети. Хороним людей понемногу из оставшихся. Каждый год кто-то уходит.



Рабочие собираются у мемориала Чернобыльской электростанции по случаю 37-й годовщины катастрофы на Чернобыльской АЭС в Чернобыле, Украина, 26 апреля 2023 года. Фото: Олег Петрасюк / EPA-EFE

— **Вы сейчас в Киеве?**

— В Славутиче. Дом под Киевом оставили. Дочь в первые дни войны эвакуировалась из Украины в Голландию. Мы с женой остались, жена до сих пор работает на ЧАЭС, но на саму станцию женщины-работницы уже не ездят. Раньше каждый день ездили на электричке через Беларусь. Сейчас так не проедешь: мост с железнодорожными путями, которые проходили через Беларусь, взорван (пути были взорваны в момент начала полномасштабного вторжения в Украину, утром 24 февраля 2022 года. — **Прим. ред.**). И сейчас сотрудники работают там вахтовым методом, потому что добираться надо на автобусах более 300 километров в одну сторону.

— **Что для вас самое запоминающееся за годы работы на ЧАЭС?**

— Когда пришел на станцию, все люди еще были братьями друг

другу и всё было хорошо.

P.S. В 2022 году ЧАЭС больше месяца была захвачена российскими войсками — с 22 февраля по 31 марта. К тому моменту ЧАЭС уже давно была полностью выведена из эксплуатации, были остановлены оставшиеся три реактора. С тех пор на ней велись лишь мониторинг радиационной безопасности и работы по деактивации отработанного ядерного топлива. Захват станции стал попутной целью при движении основной массы российских войск в направлении Киева. На ЧАЭС были блокированы около двух сотен сотрудников. Кроме того, были взяты в плен охранявшие станцию более 170 нацгвардейцев. По **свидетельствам** сотрудников ЧАЭС, российские военные нарушили штатную работу станции, уничтожили транспортную инфраструктуру, а также разграбили ряд предприятий атомной промышленности в **Чернобыле** и **Славутиче**, похитив компьютеры, специализированное оборудование и радиоактивные изотопы. За время оккупации станции было **зафиксировано** повышение радиационного фона в зоне отчуждения из-за передвижения тяжелой техники. По многочисленным свидетельствам, российские военные игнорировали технику безопасности. Российская армия **покинула** территорию станции, когда военное и политическое руководство России из-за неудач на **Киевском направлении** решило сменить стратегию и **перенести войска на Донбасс**.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:



[На грани фона](#)

Россия резко подняла ставки вокруг возможного подрыва Запорожской АЭС. Разбираем возможные сценарии радиационной катастрофы с физиком-ядерщиком Дмитрием Горчаковым

10:14, 8 июля 2023, Ирина



[Росатом теряет внутреннюю энергию](#)

Почему выработка АЭС России в 2023 году снизилась впервые за 10 лет и какие три вывода мы можем из этого сделать

11:43, 25 февраля 2024, Дмитрий



[Атомизация Европы](#)

Отказ от российского газа подтолкнул страны ЕС к атомной энергетике. Но пойти по этому пути готовы не все. Объясняем, что в будущем ждет энергетическую систему Европы

15:12, 28 апреля 2023, Яна